

Михаил Иванович Пыляев

Моды и модники старого времени

*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Иванович Пыляев
Моды и модники
старого времени
Серия «Старое житье»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621805

*Михаил Пыляев. Замечательные чудаки и оригиналы: Эксмо; Москва;
2008*

ISBN 978-5-699-26293-9

Аннотация

«В XVII столетии наша русская знать приобрела большую склонность к новомодным платьям и прическам. Указом 1675 года стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не велели, а буде кто впредь учнет волосы постригать и платья носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины»...»

Содержание

I	4
II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

М. И. Пыляев

Моды и модники старого времени

I

Гонение на модников в XVII веке. – Стрижка и бритье волос. – Уборы женщин. – Боярские ферязи, кафтаны, тердики и проч. – Нововведения в одежде при Петре I. – Поборники старинных одеяний. – Публичное осмеяние одежд и обычаев старины. – Исторические модники В.В. Голицын и М.П. Гагарин

В XVII столетии наша русская знать приобрела большую склонность к новомодным платьям и прическам. Указом 1675 года стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам повелено было, «чтоб они иноземских, немецких и иных избычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, тако ж и платья кафтанов и шапок с иноземским образцом не носили и людям своим потому ж носить не

велели, а буде кто впредь учнет волосы постригать и платье носить с иноземного образца, или такое ж платье объявится на людях их, и тем от великого государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в нижние чины».

С времен татарского ига русские, по обычаю врагов, плотно стриглись, а иногда даже и брили себе голову. Перед каждым большим праздником все считали долгом непременно остричься. На обритуемую голову надевали тафью (скуфью), на тафью – колпак, а на колпак – гарлатную шапку. Чем выше была шапка, тем знатнее был носивший ее. Шапку не скидали и в присутствии самого государя. Приходя домой, такой боярин шапку напяливал на болванец, расписанный нарядно иконописцами и составлявший украшение в доме. Попадавшие в царскую опалу или терявшие близких родных отращивали на голове волосы в знак печали. Волосы были так длинны, что висели по лицу и плечам. Женщины же наоборот в знак печали остригали себе волосы. По понятиям века для замужней женщины считалось и стыдом, и грехом оставлять напоказ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нее большим бесчестием. По словам Костомарова, в Новгороде вошло было даже в обычай замужним женам брить себе волосы, но этот обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило в щегольство, и некоторые женщины, укрывая волосы под волосняком (скуфьей), стягивали их так туго, что едва могли моргать глазами; это казалось им красиво. У детей женского пола воло-

сы всегда были острижены, точно как у мальчиков, и девочку можно было узнать только по небольшим пучкам волос на висках.

Русские женщины не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цветов в одежде — лишь бы блестяло и пестрело. В их одеждах не было талии, они были мешки. О том чтобы платье сидело хорошо, не имели понятия. По мнению русских, красота женщины состояла в толстоте и дородности; женщина стройного стана не считалась красавицею; напротив, ей предпочитали мясистую и тучную. По свидетельству иностранцев, русские считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатые уши и некоторые записные щеголихи вытягивали их себе насильно.

На пестрых платьях женщине накладывалось множество украшений; на шее и на груди висело множество крестов на цепях; на голове и по платью было нашито также много жемчуга. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надели после взятия во дворец, было так тяжело, что у ней заболели ноги. На головах девиц были венцы, имевшие форму городов и теремов, с жемчужными повязками. В торжественных случаях женщины, поверх своего и без того тяжелого платья, надевали еще «подволоку или проволоку». Это был род богатой мантии из шелковой щербатой или белой материи, но чаще золотой или сребротканой; края этой мантии были особенно нарядно разукрашены золотым шитьем, жемчугом и драгоценными камнями.

Не довольствуясь своими пестрыми и богатыми одеждами, русская женщина белилась и румянилась так, что приводила в смех иностранцев. Она так налепляла на лицо краски, что, по замечанию Олеария, казалось, будто бы кто-нибудь размалевал их кистью. Этого мало, они размалевывали себе шею и руки белой, красной, голубой и коричневой красками, окрашивали ресницы и брови и притом самым уродливым образом – чернили светлые, белили черные. Красавицы, которые сознавали за собою пригожесть, все-таки принуждены были это делать, чтобы не подвергаться насмешкам.

Главнейшую часть убора, как женщин, так и девиц, составляли серьги и запястья или зарукавья. Первые обыкновенно бывали золотые, длиною иногда дюйма в два, всегда почти с яхонтами, изумрудами или гиацинтами. Серьги носили и мужчины, но только в одном ухе. Запястья были широкие, серебряные или золотые, очень искусного ювелирного дела с жемчугами и драгоценными камнями. Не последнее украшение были и кольца или перстни, и затем разного рода монеты и особенно жемчужины. В руках у женщин был шелковый с золотыми каймами и кистями платок, называемый «ширинкою». Зонтики также у богатых женщин были в употреблении: их носили над ними рабыни.

Бояре еще в первые годы царствования Петра Великого на место нынешних мундиров надевали богатые золотые, бархатные и объяристые ферези, в которых, по указу 1680 года, должны были являться ко двору. Ферезею называлось и

женское платье; последнее они носили с поясом. Обычно русские ходили без перчаток. Только цари и знатные особы надевали «персчатые рукавицы» и то зимою от холода; по величине они делились на рукавицы и рукавки. Для мужских одежд людей среднего состояния употреблялась материя зуф, род камлота; у людей богатых наружная одежда была шелковая; тогдашний вкус требовал самых ярких цветов – черные и темные цвета употреблялись только в печальных случаях или так называемых смирных одеждах, т. е. траурных. По понятиям века яркие цвета внушали уважение и потому начальствующие лица, по приказу царя, рядились в такие цветные одежды. Преобладающий цвет в народе был красный и особенно красно-фиолетовый (червчатый); даже духовные особы носили рясы красных цветов.

Богатые и чиновные люди на летний терлик надевали охабень (последний был изменен при царе Федоре Алексеевиче и строго было приказано в нем не пускать не только во дворец, но и в город Кремль) или обнорядок, очень длинный с рукавами и капюшоном, богато украшенный жемчугом. Поверх его вельможи, выходя из дому, надевали длинный кафтан камлотовый, очень похожий на охабень, только без капюшона и воротника. Голый затылок русских бояр закрывался стоячим воротником, шириной от трех до четырех пальцев; последний был унизан жемчугом и драгоценными камнями. Воротники даже у самых рубашек были без складок около шеи; последние всегда искусно вышивались, потому что предки

наши дома ходили в одних рубашках. Сверх рубашки носили легкое шелковое платье с пуговицами длиною до колен. На него надевали кафтан узкий, подпоясанный персидским кушаком, за который затыкали нож или кинжал. Кафтаны обыкновенно были бархатные, обьяри или сукна кармазинного цвета, иногда же из золотой парчи.

Между богатыми старинными одеждами были известны еще фофудии или с поясами кафтаны; затем род шуб, которые употребляли цари на охоту под названием *бостроги* или *терлики*, последние были бархатные с золотыми шнурами и кистями на лучших соболях или чернобурых лисицах. Между княжескими одеждами были известны еще кожухи или шуба русская. Так, о царе Михаиле Федоровиче сказано: нарядившись в кожух золотной аксамитный на соболях да в шубу русскую соболю, крыта бархатом золотным, заметав полы назад за плеча (Описание торжества при бракосочетании царя Михаила Федоровича). В военное время употребляли род епанчи, называвшейся в древности *корзнь*.

Исподнее платье шивали атласное белое или из золотой парчи. Бояре, как мы выше уже говорили, на голову надевали высокие, дорогие гарлатные шапки – верх шапок бывал парчовый или бархатный и исподь из соболей или рысей. Шапка унизывалась жемчугом и наверху ее делывались кисти, иногда с дорогими камнями. Обыкновенно же в первые годы царствования Петра Великого бояре носили черное бархатное платье, по краям унизанное жемчугом и драгоценными

камнями.

К числу старинных нарядов надо причислить и ожерелья, которые носили особы царского рода. Лжедмитрий, въезжая в первый раз в Москву в 1605 году, имел на шее у себя ожерелье, которое тогда ценили в сто пятьдесят тысяч червонных.

Принятие разных нововведений в одежде приписывают Петру Великому, но еще ранее его царь Федор Алексеевич, женатый на Агафье Семеновне из польского рода Грушецких, в угоду последней, как передают летописцы, снял с себя и с бояр женские охабни, велел стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски с саблей и носить кунтуш. Царь только одного не делал: не брил бороды, и то потому, что у двадцатилетнего монарха борода еще не показывалась. Но на бороду гонение было еще ранее Федора Алексеевича. Во время татарского владычества начало было входить в обычай бритье бород, и великий князь Василий Иванович последовал этому обычаю; это обыкновение продолжалось до Иоанна Васильевича; с его царствования духовенство вопияло против бритья, и Стоглав предал неблагословению церкви дерзавших отступать от дедовского обычая. Под влиянием церкви, – как говорит Костомаров, – борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека, и если у кого от природы не росла борода, к тому имели недоверие и считали его способным на дурное дело – и все тогда носили бороды, и чем бороды были длиннее, тем осанка человека

считалась почтеннее и величественнее. Богатый человек холил ее, берег и расчесывал гребешком из слоновой или моржевой кости. Царь Борис Годунов, стараясь ввести многие немецкие обычаи, приказывал тоже брить бороды, но приказ этот плохо привился, и только Петр Великий почел нужным истребить наружные знаки, отличавшие всех подданных его от иностранцев, т. е. длинные платья и бороды. В 1699 году вышел указ царя, по которому, исключая крестьян, монахов, священников и дьяконов, всем велено было брить бороды. В 1705 году повелел государь платить за бороды пошлину; последняя была следующих размеров: царедворцам и другим чиновникам – по 60 руб., гостям первой статьи – по 100 руб., средней и меньшей статьи – гостиные сотни, торговым и посадским первой статьи – по 60 руб., средней и меньшей статьи боярским людям, ямщикам, извозчикам и церковникам (кроме попов и дьяконов) и всем прочим, кроме хлебопашцев в деревнях живущих, – по 30 руб. в год. Вносившим эту бородовую пошлину вместо квитанции давали медные знаки. С этого времени у нас стали употреблять прическу волос, пудру, помаду, носить парики, и в это же время вошли в моду шляпы и картузы.

В 1699 году вышел указ: всем, за исключением попов, дьяконов, монахов и крестьян, носить платье европейского фасона; в первое время государь приказал носить венгерское платье, но потом отменил это и приказал носить мужчинам верхнее – саксонское и французское, а камзол и нижнее пла-

тье — немецкое, а женщинам приказал нарядиться в немецкое платье. Но чтобы повеление это исполнялось точно, на послушников наложил штрафы, и на городских заставах в воротах повелел всякого, кто окажется в русском платье и бороде, брать с пеших по сорока копеек, а с конных — по два рубля с человека. В это же время повелено было в лавках русского платья не продавать и портным такого не шить, под опасением наказания.

С этого также времени вошли в употребление галстуки и манжеты, а между женщинами — кофты и юбки.

Относительно обуви в старину уже известна была некоторая роскошь, так, богатые носили сапоги с серебряными подковами и гвоздями, указанные по швам, на носках и каблукках жемчугом, а иногда и драгоценными камнями. При царе Михаиле Федоровиче люди обоего пола нашивали короткие сапоги сафьяновые или другой цветной кожи, унизанные тоже жемчугом. С самого начала прошедшего столетия начали уже носить у нас, по примеру иностранцев, башмаки и на них серебряные пряжки, иногда тоже унизанные бриллиантами или другими драгоценными камнями.

Петр Великий строго смотрел, чтобы не носили старинную одежду и только предоставлял рядиться в старинный наряд одному князю-кесарю Ромодановскому. Последний по одежде, обычаям и роду своей жизни служил сатирой на старое время.

Князь Ромодановский отличался бескорыстием и честно-

стью. Нартов рассказывает, что когда Петр I, объявив войну шведам, сильно печалился о том, что у него нет денег и хотел уже обобрать все монастырские сокровища, то Ромодановский передал царю громадное количество серебряной монеты и голландских ефимков. Деньги эти с грудями серебряной и позолоченной посуды были на хранении у Ромодановского, но никто не знал об этом, т. к. царь Алексей Михайлович приказывал Ромодановскому сберегать и деньги и посуду в особой камере при Тайной канцелярии и выдать сохраняемые там деньги только в случае войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромодановский желал ими воспользоваться, то он мог бы это сделать без всякой ответственности.

В век преобразования России Петром I, борьбы старины с новизной, осмеяния древних причудливых нарядов, обычаев и обрядов (не раз производившегося публично), – так описывает Желябужский, современник таких случаев, – в мельчайших подробностях был выполнен в 1702 году старинный обряд трехдневного празднования свадьбы «остроумнолитного Феофилакта (Ивана) Шанского, многоутешного шута и смехотворца, женившегося в 1702 году на сестре князя Ю.Ф. Шаховского. Сам император принимал участие в таком пиршестве, им затеянном и устроенном по его вкусу к подобным потехам. Там он был одет по старине, в бархатный опашень, в охабень из вишневой зуфи, сверх его – ферязь камчатная, на голове была шапка заячья, черная, на ногах – сапоги жел-

тые, сафьянные. В свадебном поезде были бояре с боярынями окольничие, думные стольники и дьяки в мантиях, фезах и гарлатных шапках. Лицо царя представлял князь-ке-сарь Ромодановский, в старинной царской одежде, лицо царицы – жена Бутурлина, патриарха – князь-папа, прозванный также патриархом Пресбургским, Заяузским и всего Кокуя (т. е. Немецкой слободы), – учитель Петра I, Зотов».

«Первая ночь у новобрачных, – говорит Желябужский, – была на башне у Курятных ворот и тут пили три дня. Настоятельно потчевали же гостей по старине только горячим вином и крепким пивом и медом. Сам государь при этом острил, обращаясь к поборникам старины, употреблявшим эти напитки „А старинные обычаи всегда лучше новых“», – и т. д. Последствия такого потчеванья для некоторых были печальны.

В другой раз в Москве, в 1715 году, Петр Великий опять посмеялся над старыми нарядами русскими и в декабре назначил уличный маскарад, в котором, начиная от самого именитейшего лица и до простого смертного, все были одеты в курьезные старинные платья. Так, в числе «дамских персон» была Бутурлина в нагольной шубе и летнике, князь-игуменя Ржевская – в шубе и телогрее. В руках у этих лиц был какой-нибудь инструмент, гудок или балалайка. Так смеялся преобразователь России над старыми обычаями и нарядами. В ряду исторических модников резко выделяются две личности, князь Василий Васильевич Голицын и князь Матвей

Гагарин. Первый из них, сын боярина князя Василия Андреевича, получил в свое время почти необыкновенное образование, он говорил на трех языках — латинском, греческом и немецком. Начал он службу при дворе царя Федора стольником и чашником. Когда Ланевин представлялся ко двору, то Голицын говорил с ним по-латыни. По словам современников, он отличался «умом, учтивостью и великолепием» и терпеть не мог горячих напитков. Внешностью он был красавец и прибегал к таким косметикам, употребление которых у мужчин кажется смешным. Так, он румянился и белился, завивал усы, холил разными специями свою небольшую светлую бороду. Одевался в атласный бирюзового цвета кафтан на соболях, расшитый золотом и унизанный жемчугом и драгоценными камнями. Боярская его шапка стоила более десяти тысяч червонцев; она была из редкого, так называемого красного соболя или, вернее, белого. Каменный дом его, в Москве, не уступал убранством своим лучшим дворцам Европы; он вмещал богатую коллекцию картин известнейших иностранных живописцев; стены палат были обиты богатыми тканями, потолки были зеркальные или расписные. Крыша дома была медная и горела на солнце от чистоты, как золотая. Существует предание, что он на Москве первый дал пример богатым строить каменные дома. Библиотека Голицына в свое время была из редчайших в России. Он первый выписал из Греции 20 докторов. Этот всесильный вельможа во время правления царицы Софии думал содержать ми-

нистров при главнейших дворах европейских. Он широко заботился о просвещении, убеждал бояр, чтобы они обучали детей своих, отправлял в Польшу и другие государства. Голицын приглашал к себе иностранцев-наставников и звал всех иноземцев в Россию; он хотел ввести свободное вероисповедание. Часто устраивал у себя ученые беседы, особенно с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день падения Голицына. Голицын собрал записки о состоянии и образе правления разных государств. Он первый построил от Москвы до Тобольска на каждых пятидесяти верстах избы для крестьян, снабдив каждого хозяина тремя лошадьми, с условием, чтобы их содержали в всегдашнем комплекте и взымали с проезжающих за десять верст по три копейки на лошадь; он же велел расставить по дорогам длинные шесты во всей России вместо верст. Василия Голицына современники за дела называли великим. Но, обладая просвещенным умом, он не мог освободиться от предрассудков своего века. Так, однажды находившийся в свите его дворянин Бунаков, шедший за ним по улице, внезапно упал в припадке падучей болезни и по суеверию взял с того места горсть земли, которую завязал в платок. Голицын, сочтя Бунакова чародеем, велел пытаться за то, что он «вынимал» будто бы «след его для порчи». Также по его приказанию сожжен живым в Москве на болоте, при многочисленной толпе народа, мечтатель Квирин-Кульман за ересь. Но при таких отрицательных качествах Голицыну приписываются в Москве и такие

великолепные вещи, как постройку деревянных мостовых на Москве, сооружение зданий в Кремле, Посольского приказа, постройку великолепных каменных палат для присутственных мест, затем Каменного моста на Москве-реке о двенадцати арках. Постройка этого моста казалась в свое время каким-то чудом. Изобретателем и зодчим моста, по народному преданию, был какой-то монах, которого имя, к сожалению, неизвестно. Вбивши дубовые сваи в русло реки и настлав их брусьями, он выводил на них каменное здание. Это сооружение по тому времени казалось столь дорогим, что даже вошло в народную поговорку: «Дороже каменного моста».

По рассказам современников, Голицын выводил в чины людей ничтожных (?), уважая в них истинное достоинство, и не любил бояр, когда с знатным происхождением они были бесполезны для отечества. По его инициативе было уничтожено местничество в России и преданы огню книги, причинявшие раздор между семействами и вред службе. Голицын кончил свою карьеру очень печально. По воле Петра ему был прочтен приговор; главные вины его были, что он и приверженцы его докладывали царевне, а не государям все государственные дела, писали от них грамоты и печатали имя Софии в книгах без соизволения царского, что от неудачных походов в Крым Голицына казна понесла великие убытки. За все эти преступления велено отнять у Голицына боярство и чины и сослать в город Яренск (Вологодской губернии) и

отписать на имя государей все поместья, дома и пожитки. При описи найдено было в его сундуке 100 тыс. червонцев и 400 пуд. серебряной посуды, кроме разных монет. Князь Голицын умер в ссылке в Пинеге 80-ти лет.

Другой такой модник в Петровское время был князь Матвей Петрович Гагарин, сибирский губернатор в городе Тобольске. Этот вельможа удивлял всех своею царскою пышностью. Он в первое время пользовался большим доверием императора и потому почти самовластно управлял такою обширною и богатою страпою, как Сибирь.

У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах; сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные, и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Парадный мундир князя Гагарина был залит алмазами. Пряжки его башмаков стоили десятки тысяч. Князь был видом очень невзрачный, невысокого роста, черноватый, с быстрыми движениями.

Князь Гагарин выстроил в Москве, в Белом городе, обширные и роскошные палаты, где стены были зеркальные, а потолки — из стекол, на которых плавали в воде живые рыбы. Эти великолепные палаты, на образе венецианских, воздвигнуты были, вероятно, по проекту какого-нибудь иностранного архитектора. Четырехэтажные комнаты выходили фасадом на Тверскую улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними, в арках, устроена была открытая терраса с балюстрадаю.

В бельэтаже у портала и обоих павильонов висели балконы из белого камня, украшенные вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующей надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

Из бельэтажа на улицу по обе стороны ворот были красивые крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами и т. д. На заднем фасаде дома на дворе был длинный балкон с художественными орнаментами.

Внутреннее великолепие палат соответствовало и внешнему: разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшение покоев. Зеркальные потолки отражали в себе блеск жирандолей, люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов его в спальне, осыпанные бриллиантами, стоили по оценке тогдашних ювелиров более 130 тыс. руб. В числе его несметных сокровищ был самый драгоценный из всех доныне известных в целом свете рубин, привезенный ему из Китая. Сын этого князя, путешествовавший за границу, так сорил деньгами, что его иностранцы прозвали набобом.

Князь Гагарин был уличен Петром I в лихоимстве и повешен на площади перед Сенатом, на страх другим, не унимавшимся в то время лихоимцам, и все его имение было

конфисковано. Несколько тысяч крестьян, принадлежавших ему, были отданы производившему над ним следствие Егору Пашкову, потомство которого оттого и заняло впоследствии видное место между богатыми фамилиями.

II

Выезд бояр. – Поезда архиереев. – Мода на кареты. Великолепная карета Разумовского. – Езда с форейторами. – Петиметры и амуришки. – Блеск двора при императрицах Анне и Елизавете. – Рассказы Миниха и Маништейна. – Модные лавки и волосочесы. – Парикмахер Леонард. – Пудра, букли и парики. – «Красные каблучки». – «Модные дома вельмож и богачей». – Старый дворянский быт

В старину при московских царях вся роскошь богатых придворных бояр обращалась на выезды и конские уборы: арчаки и седла украшались драгоценными камнями, стремена иногда делались золотые, попоны, шитые золотом и серебром, унизанные жемчугом. Такие уборы сохранялись в богатых семействах по десяткам лет и переходили из рода в род. Конями особенными русские не славились; лошади в употреблении были татарские, пригоняемые во множестве из Астрахани. Щеголяли лошадьми русские, особенно белыми. Боярин в древности ехал ко двору со звоном бубенцов и грохотом литавр; у верховой лошади на ногах, сверх копыт, привешивали маленькие колокольчики, а сзади у седла

прикрепляли небольшие литавры, медные или серебряные: всадник ударял в них бичом для возбуждения охоты в лошади и для того, чтобы проходящие давали дорогу. Такие поездки по улицам запретил Петр Великий. В XVII веке стали ездить у нас в каретах в несколько лошадей и зимою, и летом. В 1681 году было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники – на четырех, во время же свадеб и сговоров – на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимою – в санях на одной лошади. Олеарий говорит, что езда в санях считалась почетнее езды на колесах; в торжественных случаях сани употреблялись и летом, особенно духовными лицами. Так, патриарх иерусалимский, приезжавший в Москву для посвящения в патриархи Филарета, ехал в Успенский собор в санях, хотя это было 24 июня. Архидиаконы обыкновенно езжали к обедне в санях и летом, как и зимою, спереди служба нес посох, позади также шли служки. Колымага или карета единственно употреблялась для двора, в них запрягалось по шести и более лошадей. Чтобы иметь понятие о древних наших каретах, опишем одну из них, которую царь Борис Годунов послал в подарок жениху дочери своей, датскому принцу Иоанну: «Возок б лошадей серых, шлеи на них червчатые, у возку железо посеребрено, покрыт лазоревым сафьяном, а в нем обито камкою пестрою; подушки в нем лазоревы и червчатые, а по сторонам писан золотом и разными красками; колеса и дышло крашены». В стари-

ну подарки-экипажи у коронованных особ были самыми излюбленными. Так, английская королева Елизавета прислала Годунову карету, обитую бархатом. В богатой же карете в 1606 году въезжала в Москву Марина Мнишек; карета была обита снаружи алым сукном, а внутри – красным бархатом, подушки были парчовые, унизанные жемчугом. Эта драгоценная карета была запряжена, по словам летописцев, двенадцатью чубарыми жеребцами, до того искусно подобранными, что, несмотря на пестроту шерсти, трудно было отличить одну лошадь от другой. При этом выезде была и коляска, запряженная шестернею. Впоследствии, как увидим, мода на роскошные экипажи не имела уже границ. В царствование же Петра I в Петербурге карет было очень немного, и во всем городе только одна наемная, которою иногда пользовались приезжие иностранцы. При Анне Иоанновне, как выражается Щербатов, «экипажи тоже великолепие восчувствовали», явились кареты позлащенные, с точеными стеклами, обитые бархатом, с золотыми и серебряными бахромами и с шелковыми кутасами, богатые ливреи, лучшие лошади, серебряные и позолоченные шоры. При Елизавете Петровне экипажи богачей блистали золотом, дорогие лошади были не столько удобны к езде, сколько для вида. Золоченые колеса, красная сафьяновая сбруя с вызолоченным набором, кучера в бархатных кафтанах, с бобрового опушкой, являлись на улицу при ежедневных выездах богатых. В торжественные же дни поезд снаряжался еще великолепнее, у

некоторых богатых господ парадные кареты с зеркальными стеклами были вызолочены снаружи, цуг отличных коней с кокардами и бантами на головах. Кучера без бород, но с усами, в треугольных шляпах, пудренные, с косами, позади карет стояли рослые гайдуки, одетые егерями или гусарами, впереди кареты бывали скороходы, и они, опираясь на длинные булавы, делали размашистые скачки, одеты были эти бегуны в легкие куртки с ленточными бантами на коленках и локтях, такой наряд они носили и в самые сильные морозы, на головах у них были бархатные шапочки с кистями и страусовыми перьями. Владельцы этих скороходов употребляли их не только для парада, но и вместо почты. В описываемые годы жил в Москве, на Басманной, С.К. Нарышкин, слывший первым щеголем в свое время. Он ко дню бракосочетания Петра III выехал в богатой золотой карете, в которой везде были вставлены зеркальные стекла, даже на колесах, карета эта стоила ему около 30 тыс. руб. Кафтан у Нарышкина был шитый серебром, на спине его было вышито дерево, сучья и листья которого расходились по рукавам.

В блестящий век Екатерины II уже при дворе и у наших вельмож появляются кареты, по цене стоящие наравне с населенными имениями, на дверцах иной раззолоченной кареты пишут пастушечьи сцены такие великие художники, как Ватто или Буше. Императрица Екатерина II получала даже в подарок драгоценные кареты, украшенные, помимо живописи, драгоценными камнями, одну такую ей шлет Людо-

вик XVI и другую великолепную двухместную карету посылает ей Фридрих Великий. В это время безумная мода на кареты доходит до того, что Андрей Кириллович Разумовский заказывает карету для своего отца в Лондон, ценою в восемнадцать тысяч рублей, за одно показание ее мастер собирает сумму в несколько тысяч рублей. По привозе этой кареты Павел Петрович велит привезти ее на Каменный остров для осмотра. В конце царствования стали ездить в каретах шестериком с двумя форейторами «на унос», передовой фореитор, трогаясь от крыльца дома, при разъездах кидался как угорелый, ему вменялось в обязанность непременно вывезти первого с бала своего барина, хотя бы в разбитой карете. При таких разъездах общая свалка и давка доходили до невероятия, не только вдребезги ломали экипажи, но давили на смерть лошадей и людей, после каждого бала, если крепостные кучера кого-нибудь задавили, то хвастались, как будто выигранной победой.

При вступлении на престол Павла I варварская мода езды с форейторами приутихла, но зато с воцарением императора Александра I вновь появилась старая упряжь с кучерами в русских армяках и форейторами. Особенно щеголяли такими закладками в Москве. Жихарев рассказывает, что в 1805 году под Новинским в числе таких упряжек обращала на себя внимание карета, чрезвычайно нарядная, какого-то Павлова, голубая, с позолоченными колесами и рессорами, соловые лошади с широкими проточинами и с гривами по колено, в

бархатной пунцовой, с золотым набором сбруе. Коренные, как львы, — на позолоченных цепях, а подручные — на кубертах. Старомодные кареты попадались еще в Москве в сороковых годах, так, в эти годы еще жила фрейлина Екатерины II, княжна П.М. Долгорукая, которая ездила в двухместной карете, которая имела вид веера (*en forme d'eventail*). В Екатерининское время прогулки в экипажах ежедневно делались у Гостиного двора. Здесь, на Ильинке, около лавок можно было встретить всю аристократию; все волокиты в то время назначали свидания. На это купцы неоднократно жаловались царице, говоря, «что петиметры и амурщики только галантонят» и мешают им продавать. Приезды на прогулки в эти места наших бар отличались большою торжественностью. Большие высокие кареты с гранеными стеклами, запряженные цугом больших породистых голландских лошадей, всех мастей, с кокардами на головах, кучера в пудре, гусары, егеря сзади и на запятках, с скороходами, бежавшими впереди экипажа, берлины, с боковыми крыльцами, широкие сани с полостями из тигровых шкур, возницы, фореиторы в треуголках с косами, вооруженные длинными бичами. Чинные и важные поклоны, приветы рукой, реверансы и всякие другие учтивости по этикету того времени представляли довольно театральную картину на улицах Москвы и Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.